

Русский Журнал

ТЕМА НЕДЕЛИ:

Кто управляет политиками памяти

выпуск № 13
5 декабря 2008

еженедельное издание Русского Института

Суть дела

- Глеб Павловский с.2

DIXI

- Тони Джадт . . . . . с. 3

Мировая повестка

- Андрей Окара . . . . . с. 5
- Юсуф Фернандез . . . . . с. 5
- Владимир Лебедев . . . . . с. 6
- Сергей Куделко . . . . . с. 6

Позиция

- Александр Филиппов . . . с. 10

Спор о сталинизме

- Об истории «Мемориала» с. 12
- Николай Сванидзе . . . . . с. 8
- Сергей Мироненко . . . . . с. 9
- Андрей Сорокин . . . . . с. 9
- Сергей Кара-Мурза . . . . . с. 15
- Александр Ципко . . . . . с. 15

Проблемное поле

- Андрей Карнеев . . . . . с. 16
- Георгий Кунадзе . . . . . с. 17
- Артур Стоквин . . . . . с. 18

Академия

- Вульф Канстайнер . . . . . с. 19
- Клаудио Фогу . . . . . с. 21

Особое мнение

- Элмар Брок . . . . . с. 23

Возвращаясь к теме

- Романо Проди . . . . . с. 24

Тони Джадт: У историков есть долг перед обществом

РЖ Какова роль памяти, забвения и истории в формировании смыслов и нравственных установок Европы?

Я настаиваю на преподавании истории Европы как обязательном условии понимания сегодняшними европейцами своего пути

■ Память, забвение и история крайне важны. Как историк я вижу, что забвение, к примеру, творит чудеса в деле стабилизации послевоенной Европы. Если бы людей в 1945–1960-е годы заставили помнить все, что случилось в период между 1939-м и 1945-м, многие страны с трудом смогли бы сохранить свое единство: Франция, Италия, Нидерланды, не говоря уже о государствах Центральной и Восточной Европы.

Продолжение на стр. 3

Позиция

Александр Филиппов

Я сомневаюсь в существовании единой европейской политики памяти. Резолюции Европарламента и ПА-СЕ по историческим вопросам доказывают не существование общеевропейской политики памяти, а как раз ее отсутствие.

Спор о сталинизме

Николай Сванидзе

Наши государственные интересы состоят в том, чтобы вскрыть, наконец, нарыв сталинизма и продемонстрировать всему миру, что мы не боимся его вскрывать.

Академия

Вульф Канстайнер

Когда политики недооценивают коллективную память, сложившуюся в своих странах, а также в странах соседних, они совершают ошибку и сталкиваются с сопротивлением, которого совсем не ожидали.

Возвращаясь к теме

Романо Проди

Важно, чтобы наряду с большой, «всеохватной» партией в стране оставались и более мелкие партии, способные объединиться и бросить ей вызов, потому что основной принцип демократии — это чередование правительств.

Главный редактор
Глеб Павловский

Шеф-редактор
Борис Межуев

Адрес редакции
119180 Москва
ул. Большая Якиманка, д. 1.
Тел.: (495) 745-52-25
Факс: (495) 725-78-67
e-mail: info@russ.ru

У ИСТОРИКОВ ЕСТЬ ДОЛГ ПЕРЕД ОБЩЕСТВОМ

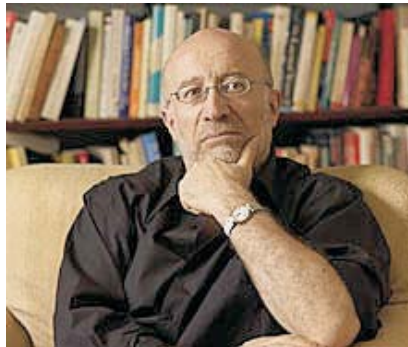
[начало интервью на 1 стр.]

Но при этом мы должны быть осторожны, так как одной из причин стабильности послевоенной Европы было то обстоятельство, что Гитлер и Сталин сообща решили проблему меньшинств посредством их уничтожения. Поэтому мне приходится отвечать двояко: как историк я говорю, что именно *поэтому* забвение сработало, но как неравнодушный гражданин я должен сказать: подобное забвение недопустимо.

Ни одно общество не может отставаться безразличным к грузу чрезвычайно болезненных воспоминаний, которые постоянно всплывают в публичной сфере. Ни одно общество не может отодвинуть в сторону такие воспоминания до тех пор, пока не разберется с ними. Вполне очевидно, что с конца 1960-х годов и до середины 1990-х Франция была помешана на проблеме фашистского режима Виши, сложившегося на юге Франции после ее поражения в 1940 году. Многие историки оправдывали вишистский режим, другие яростно критиковали его, третьи пытались трезво осмыслить. Наконец, в 1995 году президент Жак Ширак совершил геройский поступок, посетив мемориал погибших парижских евреев и впервые признав роль Франции в их уничтожении. Этот шаг сразу стал политическим прорывом. Для политиков это был знак: тема открыта, но обсуждать ее нужно осторожно и дозированно. Зверя будить нельзя, иначе взрыв неизбежен. Теперь это пройденный этап, тема эта больше не является актуальной и осталась только в пространстве исторических исследований.

Таким образом, я советую сочетать «вспоминание» и прощание с прошлым.

РЖ Как европейцам удалось справиться с тяжелым наследием войны?

Тони Джадт (род. в 1946 году) — британский историк, специалист по европейской истории. Профессор Европейских исследований в Нью-Йоркском университете, а также директор-учредитель Института Ремарка. В 1996 году стал членом Американской академии наук и искусств. Постоянный автор издания *New York Review of Books*. Автор книг: *Identity Politics In A Multilingual Age* (2004), *Postwar: A History of Europe Since 1945* (2005), *Reappraisals: Reflections on the Forgotten Twentieth Century* (2008).

Коллективная амнезия, память и забвение — ключевые темы во многих работах Джадта, пишет ли он о французских интеллектуалах 1946—1954 годов или об истории послевоенной Европы с момента капитуляции Берлина до наших дней. В своих работах Джадт показывает, какой важной гражданской задачей для историка является осмысление прошлого.

Если вы хотите услышать общий ответ, то я бы сказал, что они справились с ним с помощью метода частичного забвения. Несмотря на то, что от страны к стране проблемы несколько различались, общим у всех них было то, что единственным способом восстановления стран, переживших 5-6-летние периоды гражданской войны, а также полное разрушение гражданских, политических и правовых институтов, было создание удовлетворяющих всех мифов о произошедшем и забвение всего остального.

РЖ Вы говорите о коллективной амнезии после 1945 года. Возможно ли было экономическое процветание без нее?

Считаю, что забвение было необходимым условием восстановления не только экономики, но и самого общества. Воспоминания были кровоточивы. Папон (французский коллаборационист) стал одним из ключевых министров правительства Де Голля. У Де Голля не было иллюзий по поводу того, кем был этот человек. Для того чтобы построить прочную внутреннюю политику, на основе которой можно строить стабильную внешнюю политику, необходимо было прекратить послевоенное кровопускание.

Всех крупных политиков — Аденauern, Де Голля, Черчилля — объединяло тогда одно: сознательное молчание о прошлом.

РЖ Было ли подобное забвение результатом политических решений?

Если угодно, считайте это сговором, не прописанным соглашением, условием выживания.

В случае с Западной Европой эта память-забвение по иронии присутствовала потому, что на нее понастоящему никто не обращал внимания. Коллаборационизм, преступления против евреев и ответственность за эти преступления, вопрос о том, почему многим

удавалось вполне благополучно жить при фашистском режиме, — все эти проблемы невозможно совместить с удобной для всех памятью о войне. Только в 1970-е и 1980-е годы стало возможно оглянуться назад и задаться разными вопросами — в основном потому, что выросло новое поколение.

В Восточной Европе было проще — там произошло последовательное принудительное насаждение нового коммунистического режима, при котором было немыслимо взглянуть прямо на то, что происходило до прихода коммунистов. В то же время режим создал целый пласт новых негативных воспоминаний, и память о войне смешалась со страданиями послевоенных десятилетий.

РЖ *Но тогда может возникнуть отрицательная реакция — ощущение, что «мы тоже страдали», у кого тогда будет преимущество?*

Ныне я наблюдаю крах серьезного преподавания истории. Мы заменили реальную историю использованием истории для преподавания моральных уроков

Это правда. Почему все эти люди, которые погибли в 1942 году, более важны, чем мы? Мы тоже страдали. В своей книге о послевоенной Европе я привожу слова голландского еврея, которому сказали, когда он вернулся: «Вам повезло, мы тут ужасно страдали». Я думаю, что, если обратиться к абсолютной шкале человеческих страданий, это была настолько тотальная война, что единственным способом справиться с ней было забвение...

РЖ *Тем не менее мы видим, как усилия многих авторов и институтов в России и Европе направлены как раз на то, чтобы тема памяти оставалась в поле постоянных дискуссий...*

Думаю, что здесь участвуют разные силы, затронуты разные интересы, в том числе коммерческие. Тема исторической памяти имеет заказчиков, которые сегодня неплохо платят за работу.

Что касается вопроса об истории, то я абсолютно уверен: то, что происходит во многих европейских странах, в том числе и в Великобритании, моей родной стране, — это крах серьезного преподавания истории. **Мы заменили реальную историю использованием истории для преподавания моральных уроков.** Зачастую в Британии и США старшеклассникам уже не преподают современную европейскую историю. Зато им читается либо курс «Германия в 1933–1945 годов, Вторая мировая война», либо «Уничтожение евреев в период Холокоста». В результате происходят искажения, приводящие к неадекватному восприятию студентами событий прошлого, сосредоточенных вокруг одного кошмара, происходит утрата широкого контекста.

Воспоминания, мемориалы, мемуары всегда неполны в двух отношениях. Они относятся к части прошлого и указывают на какое-то

одно конкретное людское страдание или достижение. История должна идти дальше. Я настаиваю на преподавании истории Европы как обязательном условии понимания сегодняшними европейцами своего пути.

РЖ *В конце книги о Европе после 1945 года у вас есть такой фрагмент: «В отличие от памяти, которая сама себя поддерживает и укрепляет, история вносит свой вклад в разочарование этим миром. В большинстве своем то, что она может предложить, является неприятным и даже разрушительным...». Что надо делать историку? Стоит ли заботиться о тех неприятных последствиях, которые влекут за собой его выводы?*

Задача историка состоит в том, чтобы не разрушать, а рассказывать чаще всего не слишком приятную историю и объяснять, почему эта «неприятность» является частью правды,

без которой мы не сможем хорошо жить. Хорошо устроенное общество — это такое общество, в котором мы знаем о себе всю правду, а не то, в котором мы рассказываем о себе приятную ложь. Историки играют в этом особую роль, возможно даже большую, чем моралисты. Последние исходят из некоего набора универсальных утверждений, которые на самом деле могут не разделяться большинством аудитории, в то время как историк просто говорит: «Смотрите, это наше общее, мы все это разделяем, ибо это часть нашего общего прошлого, и вы должны признать это». Итак, наша роль действительно разрушительная. Это одна из причин, почему я сержусь на своих коллег, пишущих только друг для друга. У нас есть долг перед обществом. Мы можем исполнить этот долг, только создавая хорошие профессиональные труды по истории, но долг этот лежит на нас. Приведу вам практический пример.

Когда во Франции происходил суд над Папоном в 1997 году — единственный большой процесс над военным преступником времен Виши, — обвинение попросило историков, специалистов по Виши, выступить в суде в качестве экспертов-свидетелей, чтобы раскрыть исторический контекст поведения обвиняемого. Большинство из них отказались. Не желая вступать на скользкую почву публично, они заявили, что выступление в суде не является обязанностью историков. Историки пишут книги — вот это их дело. Однако Роберт Пакстон из Колумбийского университета, написавший знаменитую книгу о вишистской Франции, породившую шквал споров в 1972 году, согласился стать экспертом и сыграл важную роль в информировании суда не только о том, что представляла собой Франция в 1942 году, но также и о том, что считалось нормальным для чиновников того времени с моральной и политической точки зрения, а что являлось смелостью.

По-моему, такой и должна быть роль историка: он правдив и неизбежно разрушителен. ■

*Интервью подготовила
Елена Пенская*